

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

О.А. КУЗНЕЦОВА

Рассматриваются случаи и правила практического использования принципов российского гражданского права. Делается вывод о возможности применения принципов гражданского права для усиления аргументации по судебному делу, в процессе юридического толкования, при аналогии права и как норм прямого действия. Анализируются материалы судебной и арбитражной практики.

Вопрос о принципах гражданского права представляет интерес как с теоретических, так и правоприменительных позиций. Так, до сих пор остаются до конца не решёнными важные теоретические вопросы понятия, признаков, перечня и системы гражданско-правовых принципов, их технико-юридического закрепления и места в структуре нормативно-правового акта. Вместе с тем постоянные и нередко успешные попытки разработки теории принципов гражданского права оставили «в исследовательской тени» практические аспекты их реализации. Судья, рассматривающий дело, практически ни в одной монографии, ни в одной статье о принципах гражданского права не сможет найти «путеводную нить» для их использования при разрешении спора.

На то, что принципы права имеют определённое правоприменительное значение, хотя и редко, но все-таки обращалось внимание в литературе [1]. Следует отметить, что сегодня суды все чаще ссылаются в своих решениях непосредственно на принципы гражданского права. При этом ни в теоретико-правовой, ни в цивилистической доктрине не выработаны какие-либо правила «непосредственного» использования принципов права. Анализ судебно-арбитражной практики позволяет сделать вывод, что из-за отсутствия серьёзной теоретической основы «практическое» использование принципов гражданского права уже началось, что, безусловно, вызывает необходимость научного осмысления их правоприменительного значения.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что суды применяют

принципы гражданского права преимущественно в четырех случаях: для «усиления» аргументации по делу; в процессе юридического толкования; при применении аналогии права; при непосредственном использовании в качестве норм прямого действия.

Использование норм-принципов гражданского права для усиления аргументации по делу. Принципы гражданского права нередко используются для усиления авторитетности судебного решения. При этом законное и обоснованное решение может быть принято и без обращения к данной норме, так как имеется конкретная норма, регулирующая спорное правоотношение. Приведём пример.

Товарищество на вере предъявило Министерству обороны РФ иск о взыскании задолженности по договору. Было заключено мировое соглашение. Ответчик подал кассационную жалобу, ссылаясь на то, что мировое соглашение противоречит интересам государственного бюджета. Отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, суд, в частности, отметил: «Согласно п. 1 ст. 1 ГК РФ, участники гражданских правоотношений действуют на началах равенства, а также п. 1 ст. 124 ГК РФ предусматривает, что государство участвует в гражданских правоотношениях наравне с другими субъектами. В данном случае заключение мирового соглашения между товариществом и министерством способствует исполнению государством своих гражданско-правовых обязательств и соблюдению им основных начал гражданского законодательства» [2]. В этом деле видно, что использование судом п. 1 ст. 124 ГК РФ,

провозглашающего, что «РФ, субъекты РФ: республики, края, области, города федерального значения, а также городские и сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с другими субъектами – гражданами и юридическими лицами», было бы достаточным для вынесения правильного решения. Однако ссылка на норму-принцип равенства участников гражданских правоотношений усилила позицию суда.

При использовании принципов права для повышения авторитета принимаемого решения необходимо соблюдать три правила.

Во-первых, главное условие, при котором принципы права должны использоваться для усиления аргументации и, как следствие, для повышения авторитета судебного решения, заключается в том, что конкретная правовая норма, подлежащая применению, должна быть связана с принципом права как часть с целым, субординирована к этому принципу, являться следствием из него.

Второе правило использования для усиления аргументации по делу норм-принципов и принципов, выведенных из норм, состоит в том, что они не могут быть применены самостоятельно, без конкретной правовой нормы. Если есть конкретная норма, то суд не может применить общую норму права, проигнорировав существование специальной нормы, хотя такое иногда случается в правоприменительной практике. Закрытое акционерное общество предъявило к обществу с ограниченной ответственностью иск о понуждении к заключению договора, определяющего порядок владения, пользования, распоряжения зданием, находящимся в общей долевой собственности. Суд обосновал своё решение по делу следующим образом: «По смыслу п. 1 ст. 1 ГК РФ за участниками гражданского правоотношения признается равенство, свобода договора и недопустимость произвольного вмешательства в частные дела. Если иное не предусмотрено законом, то отсутствуют основания для понуждения ответчика к заключению договора на предложенных истцом условиях» [3]. Запрет на понуждение к заключению гражданского-правового договора установлен в абз. 2 п. 1 ст. 421 ГК РФ, провозглашающем, что понуждение к

заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена ГК, законом или добровольно принятым обязательством. Такой же вывод следует из ст. 445 ГК РФ, предусматривающей правила заключения договора в обязательном порядке. Однако суд применил непосредственно ст. 1 ГК РФ без ссылки на специальные правовые нормы, что, на наш взгляд, недопустимо.

Третье правило применения принципов гласит: «для усиления аргументации должна использоваться ближайшая общая норма, которая нередко является юридическим императивом какого-либо принципа гражданского права». На это обстоятельство указал ещё Е.В. Васьковский: «Юридическое основание, т. е. принцип, из которого вытекает данная норма, как заключение из большой посылки силлогизма, нередко опирается на другой высший принцип, который, в свою очередь, может быть следствием из более общего и т. д., вплоть до какого-либо первоначального и основного положения права» [4]. Например, в одном из своих решений арбитражный суд указал: «Ссылка заявителя на то, что, заключив договор с ЗАО, он лишился возможности работать с другими заказчиками, отклоняется как противоречащая п. 1 ст. 8 и п. 1 ст. 421 ГК, в силу которых провозглашённый в качестве одного из начал гражданского законодательства принцип свободы договора означает, что граждане и юридические лица самостоятельны в выборе контрагентов по договору» [5]. Суд разрешил дело на основе юридического императива (свободы выбора контрагента по договору), сославшись при этом и на предельно общую норму-принцип свободы договора.

Применение норм-принципов гражданского права в процессе юридического толкования. Чаще всего гражданско-правовые нормы-принципы используются не для усиления аргументации по делу, а для толкования других правовых норм. Правоприменение юридического акта всегда связано с известной коллизией: «существует, с одной стороны, необходимость однозначности понимания права, так сказать, идеальное желание законодателя, с другой – объективное стремление правоприменителя толковать норму в своих интересах, обусловленное

природой человеческого сознания и реальным многомыслием любой знаковой системы» [6]. Наиболее эффективно эту коллизию, на наш взгляд, могло бы разрешить толкование с использованием принципов права.

Первым результатом толкования является установление определённости (ясности) или неопределённости (неясности) нормы права. Но даже если словесный смысл правовой нормы покажется правоприменителю ясным, это не должно означать окончание процесса толкования, поскольку «ясность» правовой нормы может быть обманчива. Эффективным средством обнаружения мнимой ясности правового предписания могут быть принципы права. При этом принцип выступает определённым критерием оценки ясности правовой нормы, её истинного смысла. Приведём известный пример из судебной практики. Бенефициар обращается с требованием к гаранту о выплате 20 млн рублей банковской гарантии с приложением справки, подтверждающей отсутствие средств на счёте принципала в день, когда обязательство (оплата товара) должно быть исполнено. Гарант отказался от выплаты суммы по гарантии, указав, что, по имеющимся у него данным, оплата товара была произведена бенефициару третьим лицом по просьбе принципала, следовательно, обеспечиваемое обязательство исполнено. Но бенефициар повторно потребовал оплаты от гаранта и после его отказа обратился в суд, ссылаясь на п. 2 ст. 376 ГК РФ, предусматривающий, что «полученное гарантом... повторное требование бенефициара подлежит удовлетворению гарантом». На первый взгляд, словесный смысл этой нормы предельно ясен: повторное требование бенефициара подлежит обязательному удовлетворению гарантом, даже если основное обязательство прекратилось по каким-либо основаниям либо является недействительным. Однако её действительный смысл может быть установлен только с помощью критериального соотнесения её с принципами гражданского права, что и было сделано Высшим арбитражным судом РФ. Суд установил, что бенефициар уже получил оплату за поставленный принципалу товар, это подтверждалось представленными гарантом доказательствами. При таких обстоятельствах суд оценил действия бенефициара

как злоупотребление правом и, применив ст. 10 ГК, отказал в удовлетворении иска [7]. Запрет на злоупотребление правом является одним из элементов принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав, содержащегося в ст. 1 ГК РФ.

Итак, правовые принципы могут служить критерием оценки ясности правовой нормы, обнаруженной в результате её словесного (грамматического) толкования. Однако зачастую смысл гражданско-правовой нормы может быть неясен.

Неясность правовой нормы чаще всего связана с отсутствием *прямого* ответа на конкретный вопрос правоприменителя. Причиной этого может быть пробел в правовом регулировании, что вызывает необходимость применения аналогии закона или права. Однако чаще всего ответ содержится в тексте нормативного акта и может быть получен при помощи различных способов толкования. Традиционно в теории права выделяют четыре способа толкования: грамматический, логический, систематический, исторический. В качестве особых способов толкования рассматривают также телеологическое, функциональное, специально-юридическое. Принципы права наибольшее значение имеют в процессе использования систематического способа толкования права.

Систематическое толкование – это уяснение содержания правовых норм в их взаимосвязи с учётом их места и значения в данном нормативном акте, институте, отрасли. С помощью этого способа толкования устанавливаются логические связи между нормами права. Это могут быть связи зависимости, дополнения, исключения, взаимодействия [8]. В процессе систематического толкования правоприменитель может использовать различные логические операции. А.Ф. Черданцев называет три основных: структурный, функциональный анализ нормы права и «толкование и принципы права» [9]. Думается, что последняя из логических операций несправедливо оставлена без названия. Конституционный суд РФ в одном из своих постановлений отметил: «неопределённость в понимании статьи ... может быть преодолена – в целях обеспечения единого непротиворечивого правового регулирования – путём систематического толкования с учётом ие-

рархической структуры правовых норм, предполагающей, что толкование норм более низкого уровня должно осуществляться в соответствии с нормами высшего уровня» [10].

По нашему мнению, систематическое толкование с учётом принципов права может быть названо иерархическим анализом норм права. Систематическое иерархическое толкование предполагает толкование конкретной нормы, в процессе которого устанавливается её связь с принципами права, и она понимается в том смысле, при котором не противоречит этим принципам.

При использовании систематического иерархического толкования логика интерпретатора будет различаться в зависимости от того, установлена связь толкуемой нормы с нормой-принципом (текстуально закреплённым принципом) или принципом-идеей (принципом, выведенным из норм). В первом случае используемая норма-принцип должна быть конкретизирована судом в виде определённого правила, подлежащего применению в данном деле. При этом используется логический прием конкретизации. Приведём пример конкретизации нормы-принципа из практики Конституционного суда РФ. ОАО «Приаргунское» обратилось в Конституционный суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 1 ст. 84 закона «Об акционерных обществах», который был применен арбитражным судом при рассмотрении дела по иску ОАО о признании недействительным (ничтожным) договора купли-продажи акций ОАО «Варьганнефтегаз» и о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Договор купли-продажи акций был заключен между ОАО «Варьганнефтегаз» и ОАО «Сиданко», являющегося заинтересованным лицом, с нарушением требований ст. 83 закона «Об акционерных обществах». Заявитель жалобы – один из акционеров продавца – считает, что п. 1 ст. 84 закона не соответствует ст. 19, 46, 34, 35, 55 Конституции РФ. Согласно действующей на момент рассмотрения жалобы редакции п. 1 ст. 84 закона, сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, заключенная с нарушением закона, может быть признана недействительной. По смыслу п. 1 ст. 166 и ст. 168 ГК РФ, сделка, которая может быть признана

недействительной судом, является оспори-мой, а, согласно п. 2 ст. 166 ГК РФ, требова-ние о признании её недействительной может быть заявлено только лицами, указанными в ГК РФ. В ГК РФ не предусмотрено, какие лица в данном случае могут заявлять требо-вания. В законе они также не предусмотре-ны. Тем самым, по мнению заявителя, нару-шено его конституционное право на судеб-ную защиту, являющееся гарантией права на свободное использование способностей и имущества для экономической деятельности и предполагающее восстановление его прав как акционера. Целью толкования в этом де-ле является получение ответа на вопрос: «Возможно ли признание сделки, в соверше-нии которой имеется заинтересованность, недействительной по иску акционера акцио-нерного общества, заключившего такую сделку?»

Конституционный суд РФ, рассматривая это дело, отметил: «В силу конституционно-го принципа свободы экономической дея-тельности (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ), отно-сящегося к основам конституционного строя Российской Федерации, граждане, реализуя право на свободное использование своих способностей и имущества для предприни-мательской и иной не запрещённой законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Кон-ституции РФ), вправе определять сферу этой деятельности и осуществлять её в индивиду-альном порядке либо путём участия в хозяй-ственном обществе, товариществе или про-изводственном кооперативе, т. е. путём соз-дания коммерческой организации как формы коллективного предпринимательства. Закре-плённое в ст. 34 Конституции РФ право слу-жит основой конституционно-правового ста-туса участников хозяйственных обществ, в частности акционеров акционерных обществ – юридических лиц и физических лиц, в том числе не являющихся предпринимателями, которые реализуют свои права через владе-ние акциями, удостоверяющими обязатель-ственные права её владельца к акционерному обществу». Здесь механизм конкретизации выглядит следующим образом: «норма-прин-цип "свобода экономической деятельности" конкретизируется в менее общую норму, провозглашающую право на свободное ис-пользование своих способностей и имущест-

ва для предпринимательской и иной экономической деятельности, которая, в свою очередь, конкретизируется в норму о праве участников акционерных обществ владеть акциями, удостоверяющими имущественные права акционеров».

Далее Конституционный суд РФ пишет: «Согласно Конституции РФ государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ч. 1 ст. 45). Исходя из этого, ГК РФ и законодательством об акционерных обществах установлен механизм защиты прав акционеров. Одним из способов защиты нарушенных прав акционеров, в соответствии со ст. 12 ГК РФ, является признание судом оспоримой сделки недействительной и применение последствий её недействительности. В силу природы акционерного общества, совершаемые им сделки могут приводить к конфликту интересов между акционерами, обладающими значительным числом акций, органами управления обществом и миноритарными акционерами. Глава 9 Федерального закона «Об акционерных обществах» (ст. 81–84), регламентирующая сделки, в совершении которых имеется заинтересованность, закрепляет комплекс мер, направленных на защиту имущественных интересов акционеров, в том числе миноритарных, акционерных обществ в целом в связи с совершением таких сделок, в частности, предусматривает возможность признания их недействительными в исковом порядке (ч. 1 ст. 84)». В этих выводах суда обнаруживается такая конкретизация: норма-принцип «защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется» конкретизируется в менее общее правило: «каждому гарантируется судебная защита», которое преломляется в следующее правило: «гарантируется возможность использовать способы судебной защиты, в том числе признание сделки недействительной и применение последствий её недействительности» (ст. 12 ГК РФ), которое конкретизируется в наименее общее правило: «гарантируется возможность признания недействительной сделки акционерного общества, в которой имеется заинтересованность, совершенной с нарушением закона».

В результате конкретизации были получены следующие выводы: а) «акционер имеет имущественные права» и б) «права акцио-

неров подлежат судебной защите, в том числе в виде возможности требовать признания сделки акционерного общества, совершенной с нарушением закона, недействительной». Эти положения, примененные к обстоятельствам рассматриваемого дела, обусловили принятие следующего решения: «Акционер имеет право требовать в суде признания недействительными сделок акционерного общества, в совершении которых имеется заинтересованность, совершенных с нарушением требований Федерального закона об акционерных обществах».

В другом случае, когда конкретизация идет от принципа-идеи, а не от нормы-принципа, принцип гражданского права предварительно должен быть извлечён из текста нормативного акта с помощью логической операции – индукции.

Реализация норм-принципов гражданского права при применении аналогии права. Правоприменительное значение принципов права традиционно связывается с аналогией права. Аналогия (от греч. *analogia* – соответствие, сходство) – это сходство в каком-либо отношении между предметами, явлениями, понятиями; форма умозаключения, при которой на основании сходства в каком-либо отношении двух предметов, явлений делается вывод об их сходствах в других отношениях. Необходимость применения аналогии в праве возникает только при обнаружении пробела в праве. В п. 1 ст. 6 ГК РФ содержится легальное определение пробела в праве, который «диагностируется», когда «гражданско-правовые отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота». Однако что означают фразы «отсутствие конкретной нормы», «отсутствие необходимой нормы», «отсутствие прямого регулирования»? Например, как указывалось выше, в п. 1 ст. 84 закона «Об акционерных обществах» отсутствовало прямое указание на субъектов, уполномоченных требовать признания сделки недействительной. Однако Конституционный суд РФ не использовал аналогию, а разрешил дело с помощью систематического толкования.

На наш взгляд, пробел есть только там, где отсутствует прямой ответ на вопрос правоприменителя, и этот ответ не может быть

получен с помощью применения различных способов толкования. Представляется крайне важным завершить суду стадию толкования, прежде чем перейти к использованию правовой аналогии.

Итак, если толкование права не привело к позитивному результату и интерпретатор не получил ответа на интересующий вопрос, то он может применить гражданское законодательство по аналогии. В теории права известны два вида аналогии: аналогия закона и аналогия права, при этом они четко разграничиваются. «Аналогия закона есть распространение действия нормы, установленной для одного вида отношений, на другие, не регламентированные нормой, но однородные с ней предусмотренными отношениями» [11]. При аналогии права дело решается на основе общих правовых принципов, при этом происходит «аккумуляция общих начал и принципов соответствующего института или отрасли права и их преломление в конкретном деле, решение дела на основе этих начал и принципов» [12].

Статья 6 ГК РФ содержит норму-дефиницию и аналогии закона («применение гражданского законодательства, регулирующего сходные отношения»), и аналогии права (права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства). В п. 2 ст. 6 ГК РФ содержится указание и на то, что аналогия права применяется только, если невозможно использование аналогии закона.

Таким образом, и в правовой доктрине, и в действующем законодательстве аналогия права и аналогия закона различаются. Однако если мы обратимся к анализу судебной практики, то увидим, что суды разницу между аналогией закона и аналогией права не всегда учитывают. Чаще они используют аналогию закона, называя её аналогией права, при этом нередко в решениях указывают на конкретные статьи законов, которые подлежат применению по «анalogии права». Так, суд в одном из решений указал: «Предусмотренный вышеуказанными статьями (ст. 38, 28 КоАП РСФСР) срок подлежит применению по аналогии права на основании ст. 13 АПК РФ, предусматривающей, что в случае отсутствия норм права, регулирующих спорное правоотношение, арбитражный суд применя-

ет нормы права, регулирующие сходные правоотношения» [13]. В решении по другому делу арбитражный суд пишет: «Применив аналогию права (ст. 617 ГК РФ), суд перевёл права и обязанности арендатора – комитета по управлению имуществом на государственное унитарное предприятие» [14].

Сходный вывод суда содержится и в следующем правоприменительном акте: «При таких обстоятельствах в порядке ст. 6 ГК РФ применяется аналогия права, а именно ч. 3 ст. 477, регулирующая сроки для выявления недостатков проданной вещи в комплекте» [15].

Аналогию закона необходимо отличать от аналогии права, чтобы правильно применять принципы гражданского права. Бесспорно, что принципы гражданского права применяются при разрешении дела с помощью аналогии права. А применяются ли они при аналогии закона? Другими словами, когда мы говорим, что при аналогии закона необходимо использовать правовую норму, регулиющую сходные со спорными правоотношения, то может ли эта норма быть нормой-принципом (общей нормой) или должна содержать конкретное предписание? Положительный ответ на этот вопрос даёт Е.Г. Комиссарова. Она считает, что обращение к ст. 1 ГК РФ, содержащей нормы-принципы гражданского права, есть применение аналогии закона: «Сущность аналогии закона заключается в том, что решение по юридическому делу должно обязательно иметь правовые основания, и если нет нормы, прямо предусматривающей спорный случай, то необходимо отыскать норму, регулиющую сходные со спорными отношения. По правилам найденной нормы, это могут быть всякие нормы, отвечающие указанным требованиям. К их числу относится и норма об основных началах гражданского законодательства. Исходя из редакции ч. 1 ст. 6 ГК РФ «Применение гражданского законодательства по аналогии», норма «Основные начала гражданского законодательства» будет тем самым гражданским законодательством, регулирующим сходные правоотношения» [16]. С подобным выводом нельзя согласиться. Принципы как наиболее общие нормы регулируют все гражданско-правовые отношения (входящие в предмет гражданского права) –

как прямо предусмотренные в законодательстве, так и не предусмотренные в нём. Они не могут рассматриваться как нормы, регулирующие сходные со спорными отношения, поскольку распространяются на все гражданско-правовые отношения. Если мы признаем возможным разрешить спорный вопрос (не урегулированный конкретной нормой) на основе нормы-принципа, значит, мы должны будем признать отсутствие в гражданском праве пробела вообще: ведь спорное правоотношение рассматривалось бы как урегулированное общей нормой-принципом. Однако это далеко не так. П.Е. Недбайло писал, что пробел в праве «практически означает, что данный случай подпадает под общие принципы права, но конкретной нормы для его разрешения в законодательстве не содержится...» [17].

Таким образом, для прямого применения аналогии закона прямо не урегулированное гражданским законодательством спорное правоотношение должно подпадать под регулирование гражданско-правовыми нормами-принципами, т. е. должно иметь гражданско-правовой характер. Правоприменителем должна быть найдена конкретная правовая норма, регулирующая сходные со спорными правоотношения.

Аналогия закона является первым, элементарным, наиболее простым видом аналогии, а аналогия права – более сложное явление. Правильное применение аналогии права предполагает соблюдение правил такого применения. До применения гражданского законодательства по аналогии права суд должен выяснить, во-первых, наличие действительного пробела в правовом регулировании и, во-вторых, констатировать невозможность применения аналогии закона.

Далее, необходимо установить содержание понятия «общие начала и смысл гражданского законодательства». Правоприменитель должен использовать какие-либо общие правила, положения, «определяющие цели и назначение всего комплекса норм», принципы, сформулированные в общей части акта [18]. «Смысл гражданского законодательства» в цивилистической литературе определяется как «главные особенности, наиболее полно отражающиеся в предмете и методе отрасли» [19] или как «особенности регули-

рования общественных отношений, присущие именно данной отрасли» [20].

Думается, что разграничить категории «общие начала» и «смысл законодательства» крайне сложно, один и тот же принцип гражданского права может содержаться в общих началах и вытекать из смысла гражданского законодательства. Нет в таком разграничении и практической необходимости: цель правоприменителя – обнаружить и сформулировать общее правило и спроецировать его через конкретизацию на материалы конкретного дела.

Основой для применения аналогии права может являться как норма-принцип, так и принцип-идея. При использовании норм-принципов суд должен выбрать конкретный принцип права и вывести из него частное правило, подлежащее применению в деле. Если норма-принцип, подлежащая применению в данном деле, отсутствует, то суду необходимо сформулировать конкретный принцип.

Таким образом, последовательность действий суда при применении аналогии права с использованием норм-принципов гражданского права будет следующей.

1. Суд должен констатировать пробел в праве и невозможность применения аналогии закона.

2. Суд должен сослаться на п. 2 ст. 6 ГК РФ, допускающий возможность применения аналогии права.

3. Суду необходимо выбрать конкретную норму-принцип, подлежащую применению, либо вывести индуктивным путём принцип-идею. При этом важно учитывать, что применяемый принцип или принципы права должны быть в решении суда прямо названы, суд не должен ограничиваться общей фразой «в соответствии с общими началами и смыслом гражданского законодательства».

4. Из найденного и обоснованного судом общего правила должно быть с помощью дедукции выведено частное правило, подлежащее применению.

5. Частное правило должно быть применено судом к конкретным обстоятельствам дела, в результате чего правоприменитель получает ответ на вопрос, преодолевая пробел в праве и разрешая спор. Важно подчеркнуть, что суд при применении аналогии

права создает не новую правовую норму, а формулирует индивидуальное правило для конкретного случая. Восполнять пробелы может только законодатель путём принятия новых норм права, правоприменитель пробелы только преодолевает в каждом конкретном случае.

Прямое (непосредственное) действие принципов гражданского права. Все вышерассмотренные нами случаи правоприменительного использования принципов гражданского права связаны с их опосредованным действием. В.И. Леушин высказал мнение о том, что принципы права могут действовать только опосредованно, «прямое, непосредственное действие правовых принципов (подобно действия конкретным норм) исключается» [21]. Аналогичную позицию занял и А.В. Мицкевич: «Общие установления недостаточны для решения конкретного юридического дела. Если правило поведения в них не выражено, то *регулятором поведения* "в одиночку" они быть не могут» [22]. Однако с этими мнениями трудно согласиться.

Принципы права, закреплённые в нормах права, обладают всеми свойствами последних и могут быть положены непосредственно в основу судебного решения. Прямое действие правовых принципов играет важную роль в гражданском и арбитражном судопроизводстве, стороны спора могут активно использовать нормы-принципы и ссылаться на них в качестве обоснования и аргументации своей позиции. По сути, непосредственное действие гражданско-правовых принципов сходно с прямым действием конституционных принципов [23]. И те, и другие могут действовать как через другие, более конкретные нормы, так и непосредственно регулировать общественные отношения. Прямое использование норм-принципов гражданского права – наименее исследованный аспект общей проблемы правоприменения принципов права.

Одной из причин прямого использования норм-принципов может быть противоречивость законодательства. Приведём по этому поводу интересный пример из судебной практики. Федеральное государственное учреждение «Челябинсксельлес» обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании ущерба за повреждение деревьев (вырубка деревь-

ев) к кооперативу «Сарафановский». Истец указал, что вырубка леса могла производиться ответчиком только на основании выданного истцом лесорубочного билета. Судом установлено, что рубка леса осуществлялась ответчиком по лесорубочному билету, выданному другим учреждением – федеральным государственным учреждением «Чебаркульский опытный лесхоз». В ходе судебного заседания выяснилось, что оба учреждения (и истец, и «Чебаркульский опытный лесхоз») на основе различных нормативных актов обладали одинаковыми полномочиями на выдачу лесорубочных билетов. Суд в удовлетворении иска отказал, указав, что «лицо, выполнившее надлежащим образом требования действующего законодательства, обусловливающее возникновение у него определённых правомочий, не может быть привлечено к ответственности лишь по причине неурегулированности взаимоотношений между органами государственного управления... поскольку это противоречит основным началам гражданского законодательства, а именно положениям о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и о беспрепятственном осуществлении гражданских прав, а также неоправданно ущемляет права добросовестных участников гражданского оборота (ст. 1 ГК РФ)» [24].

В этом деле норма-принцип, закреплённая в ст. 1 ГК РФ, была применена не для «усиления» или толкования других правовых норм. Необходимости в применении аналогии права также не было, поскольку отсутствует пробел в праве. Возникает коллизия двух противоречащих друг другу норм права, устанавливающих одинаковые полномочия для двух государственных органов по выдаче одного и того же разрешительного документа. Норма-принцип преодолевает эту неопределённость, прямо регулируя спорное правоотношение.

Другим примером непосредственного применения норм-принципов гражданского права может послужить ситуация, при которой путём простой конкретизации принцип права с очевидностью подлежит применению в деле. Так, в арбитражный суд обратился истец с требованием признать сделку недействительной в виде изменения размера уставного капитала общества и исключения его

из числа акционеров путём принятия судебного решения. Прямого ответа на вопрос, может ли суд принять такое решение, в законодательстве не содержится; ответ на него путём толкования отдельных норм права также не может быть получен. Налицо пробел в праве. Для решения дела суд обращается к п. 1 ст. 1 ГК РФ и избирает норму-принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, в котором «ключевым является понятие частные дела как деятельность гражданина или юридического лица, основанная на частном интересе в сфере применения частного права. Частное дело должно быть защищено от произвольного вмешательства любого лица, в том числе государства. Заявленные истцом требования ...не могут быть признаны законными, поскольку они означают вмешательство суда в сферу частного предпринимательства» [25]. Норму-принцип «недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела» суд конкретизировал в правило: «суд не может вмешиваться в частные дела». Изменение уставного капитала и состава акционеров – это сфера частных дел, следовательно, суд не может изменять уставный капитал акционерного общества и исключать кого-либо из числа акционеров.

Итак, принципы права, помимо философского, теоретико-правового и правотворческого значения, имеют и широкое практическое применение. Во-первых, они могут использоваться для усиления аргументации по судебному делу. Во-вторых, их применяют при различных способах юридического толкования. В-третьих, принцип права является основой для применения аналогии права. В-четвёртых, нормы-принципы обладают прямым регулирующим действием и могут быть положены в основу судебного решения в качестве самостоятельного аргумента.

1. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. – С. 375; Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. – Тюмень: Тюм. гос. институт мировой экономики, управления и права, 2001. – С. 59; Алексеев С.С. Частное право: научно-публицистический очерк. – М.: Статут, 1999. – С. 105–106.

2. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19 июля 2001 г. № КГ-А40/3630-01 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 24 июля 2000 г. № КА-А40/3054-00 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – С. 222.
5. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 6 марта 2000 г. № Ф09-399/03-ГК // СПС «КонсультантПлюс».
6. Суслов В.А. Герменевтический аспект законодательного толкования // Правоведение. – 1997. – № 1. – С. 88.
7. Обзор практики разрешения споров, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации о банковской гарантии: информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 15 января 1998 г. № 27 // Вестн. Высшего арбитражного суда РФ. – 1998. – № 3.
8. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. – М.: Юрид. лит., 1979. – С. 60.
9. Там же. – С. 80.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с жалобой ОАО "Приаргунское"» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 17. – Ст. 1656.
11. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. – М.: Юрид. лит., 1960. – С. 461.
12. Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов в праве // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 49–57.
13. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 октября 2002 г. № Ф04\3755-343/А81-2002 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 сентября 2001 г. № Ф04\2617-787/А27-2001 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13 апреля 1999 г. № Ф04/752-125/А70-99 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Комиссарова Е.Г. Указ. соч. – С. 100–101.
17. Недбайло П.Е. Указ. соч. – С. 456.
18. Пиголкин А.С. Указ. соч. – С. 57.
19. Комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: Спарк, 1995. – С. 53.
20. Гув А.Н. Постатейный комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М, 2003. – С. 17.

21. *Леушин В.И.* Динамичность советского права и восполнение пробелов в законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1971. – С. 198.
22. *Мицкевич А.В.* Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов, 1987 (рецензия) // Правоведение. – 1990. – № 4. – С. 105.
23. *Голощанов А.* Прямое действие конституционных норм и принципов // Законность. – 2004. – № 4. – С. 46–49.
24. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20 июня 2003 г. № Ф09-1506/3003-ГК // СПС «Консультант-Плюс».
25. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 15 апреля 2003 г. № КГ-А40/2028-03 // СПС «Консультант-Плюс».